

УДК 159.9**DOI: 10.34670/AR.2023.50.20.040****Некоторые психологические характеристики пенитенциарного
аутодеструктивного поведения осужденных****Казберов Павел Николаевич**

Кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Аннотация

Аутодеструктивное поведение лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, традиционно находится в центре внимания как руководства, сотрудников пенитенциарной системы, так и психологов-исследователей всех аспектов суицидальных преступлений. Психологическим характеристикам аутодеструктивного (саморазрушающего) поведения осужденных свойственны специфические черты, отличающие их от подобных характеристик лиц, не находящихся в местах лишения свободы. Специфику здесь определяют, как материальные обстановочные факторы пребывания в исправительных колониях, так и социально-психологические факторы нахождения в социальных группах осужденных, в частности жизнедеятельности в условиях отряда. В рамках публикации рассматриваются различные группы осужденных и свойственные им психологические характеристики, в частности лица, совершившие преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности. Рассматриваются также и характеристики суицидальной активности в их взаимосвязи со сроками и этапами, субкультурными нормами и шаблонами отбывания наказания осужденными.

Для цитирования в научных исследованиях

Казберов П.Н. Некоторые психологические характеристики пенитенциарного аутодеструктивного поведения осужденных // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 11А. С. 284-288. DOI: 10.34670/AR.2023.50.20.040

Ключевые слова

Психологические характеристики, аутодеструктивное поведение, суицид, уголовно-правовые характеристики, образовательные характеристики.

Введение

Ряд исследователей полагают, что причины суицидальной активности лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, раскрываются в состоянии их общих характеристик [Лестер, Данто, 1994; Емельянов, 2001, Кулакова, 2018]. Так, из материалов уголовных расследований следует, что чем ниже их образовательный уровень, тем выше вероятность совершения аутоагрессивных действий. Таким образом, есть основания полагать, что высокий уровень образования являются важными предпосылками адаптивного (антисуицидального) поведения в местах лишения свободы.

С точки зрения уголовно-правовых характеристик, как правило, около половины суицидентов, отбывают уголовное наказание за преступления против жизни и здоровья, корыстной и корыстно-насильственной направленности (ст.ст. 158, 161, 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Также, как правило, примерно каждый четвертый совершил преступления против неприкосновенности личности (ст. 105 УК РФ) и примерно каждый третий суицидент осужден за иные криминальные деяния, причем наиболее распространенные квалифицировались по ст.ст. 111, 119, 131, 132, 264 УК РФ.

Суицидальная активность коррелируется также с временными периодами нахождения человека в условиях изоляции от общества.

Основная часть

Чуть более половины аутоагрессивных действий «падает» на первую часть отбытого срока наказания (около 55%) [Казберов, 2018, 28]. Повышенный всплеск суицидальной активности среди осужденных в начальный период отбывания наказания, по всей видимости, обуславливается негативными последствиями изоляции от общества – особенностями субъективного восприятия элементов «тюремной субкультуры», трудностями адаптации, конфликтами, психотравмирующими ожиданиями, а также душевными страданиями, сопряженными с острым чувством вины перед своим ближайшим социальным окружением.

Наряду с этим, следует отметить, что каждое шестое самоубийство происходит по отбытии осужденным половины срока назначенного наказания. Лишь немногие добровольно свели счеты со своей жизнью перед освобождением из мест лишения свободы (около 4-5%) [Казберов, 2018, с. 32]. По всей видимости, решиться на такой шаг они смогли по веским основаниям, которые были связаны с крахом значимых ценностей и утратой перспектив предстоящей жизни на свободе. Более того, каждый второй случай саморазрушительного поведения в условиях следственных изоляторов (далее – СИЗО) был характерен для подозреваемых, ранее не попадавших в сферу деятельности правоохранительных органов [Казберов, 2019, 48].

По мнению опрошенных сотрудников функциональных служб пенитенциарных учреждений, поведение более половины суицидентов отличалось склонностью к различным формам деструктивного поведения, примерно третья часть занимали нейтральную позицию, оставшиеся индивиды придерживались просоциальной ориентации.

С точки зрения принадлежности к субкультурной жизни, то значительная часть осужденных, покончивших с собой, относились к маргинальным статусным группам (около одной трети) – «отверженные», «изолированные». Примерно столько же самоубийств наблюдается среди так называемой категории «мужиков», которые разделяют общеразделяемые принципы, нормы и стандарты поведения в местах лишения свободы. Наименьшая в

количественном отношении суицидальная группа состояла из лиц, занимающих верхние этажи криминальной иерархии (каждый десятый) – неформальные лидеры и их приближенные. Таким образом, у нас есть основания утверждать, что суицидальная активность в условиях изоляции от общества тесно связана со степенью принятия и усвоения человеком существующих субкультурных норм и шаблонов поведения. Весьма убедительным подтверждением этому служат распространенные случаи самоповреждений среди осужденных (например, нарушивших неформальные нормы), целями которых является создание таких ситуаций, в которых бы они, не обращаясь к соответствующим инстанциям за помощью, могли сменить свое окружение или были переведены в другое пенитенциарное учреждение. Нередко акты самоповреждения служат не только доказательством того, что осужденные их совершившие, не только ничего не требуют от администрации исправительных учреждений, но и являются убедительным аргументом их решительности или выносливости по отношению к страданиям.

Для реализации суицидальных замыслов нередко используются закрытые от посторонних глаз производственные помещения, недостроенные здания, периоды нахождения в медицинских частях, штрафных изоляторах и помещениях камерного типа. Частота суицидальных актов среди «населения» пенитенциарных учреждений незначительно возрастает в ранневесенний (март-апрель) и осенне-зимний периоды года. Зависимость уровня суицидальной активности от времени года иногда объясняется обострением депрессивных состояний и болезненных переживаний индивидом своих жизненных трудностей [Бойко, 2007, 43].

В пенитенциарной практике наблюдается достаточно высокий удельный вес алкогольной или наркотической отягощенности у лиц, предрасположенных к саморазрушительному поведению. Например, каждый седьмой осужденный ранее злоупотреблял алкогольными напитками, а каждый двенадцатый употреблял различные наркотические препараты. Желание избавиться от невыносимых страданий, вызванных химической зависимостью в период «ломки» вероятно послужило причиной и пусковым механизмом аутоагрессивных действий.

Важно при этом учитывать обстоятельство, что следование таким шаблонам поведения может оказаться для определенных людей «спасательным кругом», казалось бы, ослабляющим влияние стрессогенных факторов. Вполне естественно, что при таком способе выхода из реальной психотравмирующей ситуации, дезадаптивные нарушения лишь усугубляются, приближая трагическую развязку события. В этой связи желательно определить душевное состояние человека и избрать адекватные меры купирования негативных переживаний.

Заключение

В заключение необходимо отметить еще и аспект того, какие способы чаще всего выбирают осужденные для добровольного лишения себя жизни? Изучение материалов расследований чрезвычайных инцидентов говорит о том, что наиболее распространенным способом достижения желаемой цели являлось самоповешение. Скорее всего, именно этот прием ухода из жизни представляется для осужденных не только доступным, но и весьма результативным. Для осуществления суицидальных замыслов могут применяться специально изготовленные колюще-режущие предметы и сильнодействующие фармакологические препараты, отравляющие жидкости и иные подручные материалы.

Однако, подобная тактика добровольного ухода из жизни (сочетание кризисной ситуации и подручных материалов) является не столь популярной в среде осужденных и чаще всего

используется ими для совершения аутоагрессивных действий протестного характера. В этих случаях вероятность доведения самоубийства до своего логического завершения крайне незначительна, поскольку человек надеется на своевременную медицинскую или иную помощь со стороны окружающих. Как правило, осужденные, решившие добровольно расстаться с собственной жизнью крайне редко оставляют предсмертные послания.

Библиография

1. *Бойко И.Б.* Самоубийство и его предупреждение. Рязань, 2007. 118 с.
2. *Лестер Д., Данто Б.* «Самоубийство за решеткой. Прогнозирование и предупреждение». Рязань, 1994. 128 с.
3. *Емельянов С.Е.* Практикум по конфликтологии. СПб., 2001. 145 с.
4. *Казберов П.Н.* Основы психологического прогнозирования и коррекции деструктивно-агрессивного поведения осужденных лиц за экстремистскую и террористическую деятельность: Учебник – Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2018. – 96 с.
5. *Казберов П.Н.* Социализация и ресоциализация в пенитенциарной сфере: Учебник / Под общей редакцией А.В. Новикова. Том 1. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2019. – 144 с.
6. *Кулакова С.В.* Анализ проблемных аспектов и перспектив совершенствования деятельности психологической службы УИС // Глобальный научный потенциал. 2018. № 9(90). С. 12-13.
7. Contractor A. A. et al. Examination of the structural relations between posttraumatic stress disorder symptoms and reckless/self-destructive behaviors //International Journal of Stress Management. – 2020. – Т. 27. – №. 1. – С. 35.
8. Contractor A. A., Weiss N. H. Typologies of PTSD clusters and reckless/self-destructive behaviors: A latent profile analysis //Psychiatry Research. – 2019. – Т. 272. – С. 682-691.
9. Harat M. et al. Treating aggression and self-destructive behaviors by stimulating the nucleus accumbens: a case series //Frontiers in neurology. – 2021. – Т. 12. – С. 706166.
10. Rosales K., Wendel Rice E., Brown L. M. Indirect Self-Destructive Behaviors //Suicide Risk Assessment and Prevention. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – С. 295-311.

Some psychological characteristics of penitentiary self-structive behavior of convicts

Pavel N. Kazberov

PhD in Psychology, Leading Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Abstract

Self-destructive behavior of persons serving sentences in correctional institutions is traditionally the focus of both the management and employees of the penitentiary system, as well as researchers of all aspects of suicidology. The psychological characteristics of the self-destructive behavior of convicts are characterized by specific features that distinguish them from similar characteristics of persons who are not in places of deprivation of liberty. The specifics here are determined both by the material situational factors of being in correctional colonies, and by the socio-psychological factors of being in social groups of convicts, in particular, functioning in the so-called detachment. Within the framework of the publication, various groups of convicts and their psychological characteristics are considered, in particular, persons who have committed crimes of

mercenary and mercenary-violent orientation. The characteristics of suicidal activity are also considered in their relationship with the timing of the stages, subcultural norms and patterns of serving sentences by convicts.

For citation

Kazberov P.N. (2023) Podgotovka sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy k realizatsii programmy tsifrovoi transformatsii [Some psychological characteristics of penitentiary self-structive behavior of convicts]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (11A), pp. 284-288. DOI: 10.34670/AR.2023.50.20.040

Keywords

Psychological characteristics, self-destructive behavior, suicide, criminal law characteristics, educational characteristics.

References

1. Boyko I.B. Suicide and its prevention. Ryazan, 2007. 118 p.
2. Lester D., Danto B. "Suicide behind bars. Forecasting and warning". Ryazan, 1994. 128 p.
3. Emelyanov S.E. Workshop on conflictology. SPb., 2001. 145 p.
4. Kazberov P.N. Fundamentals of psychological forecasting and correction of destructive-aggressive behavior of convicted persons for extremist and terrorist activities: Textbook - Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 2018. - 96 p.
5. Kazberov P.N. Socialization and resocialization in the penitentiary sphere: Textbook / Under the general editorship of A.V. Novikov. Volume 1. - Moscow: Limited Liability Company "Rusigns", 2019. - 144 p.
6. Kulakova S.V. Analysis of problematic aspects and prospects for improving the activities of the psychological service of the penal system// Global Scientific Potential. 2018. No. 9(90). pp. 12-13.
7. Contractor, A. A., Weiss, N. H., Dolan, M., & Mota, N. (2020). Examination of the structural relations between posttraumatic stress disorder symptoms and reckless/self-destructive behaviors. *International Journal of Stress Management*, 27(1), 35.
8. Contractor, A. A., & Weiss, N. H. (2019). Typologies of PTSD clusters and reckless/self-destructive behaviors: A latent profile analysis. *Psychiatry Research*, 272, 682-691.
9. Harat, M., Kiec, M., Rudaś, M., Birski, M., & Furtak, J. (2021). Treating aggression and self-destructive behaviors by stimulating the nucleus accumbens: a case series. *Frontiers in neurology*, 12, 706166.
10. Rosales, K., Wendel Rice, E., & Brown, L. M. (2023). Indirect Self-Destructive Behaviors. In *Suicide Risk Assessment and Prevention* (pp. 295-311). Cham: Springer International Publishing.